

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

РУССКИЙ КРЕСТ

Мировая демография и глобальная конфликтность

В конце 2018 года Росстат сообщил, что **число умерших в стране превысит число родившихся сильнее**, чем когда бы то ни было в 2010-х годах. Одновременно миграционный прирост (число прибывших на жительство в Россию минус число уехавших из страны) снизится и не покроет “естественную убыль”. При этом в стране ежегодно умирает все меньше людей, однако рождаемость снижается ещё быстрее. Для массового сознания эта новость выглядит сенсационно, но для демографов, учёных и специалистов (как российских, так и зарубежных), которые занимаются проблемами социально-экономического развития, обеспечения общественной безопасности, это ожидаемые цифры.

Например, на совещании руководителей спецслужб США в августе 2018 года, которое проходило в *Институте сложности Санта-Фе*, был сделан доклад ведущих западных демографов – Дэвида Коумэна и Джека Голдстейна о влиянии демографических факторов на глобальную конфликтность в 2019–2035 гг. В частности, они отмечали, что Россия является единственной страной, входящей в число “топ-50”, у которой с 1991 г. наблюдается устойчивое снижение численности населения. За 26 лет естественный рост населения за счёт превышения показателей рождаемости над смертностью имел место только в 2013, 2014 и 2015 гг. Начиная с 2019-го по 2035 гг. будет иметь место феномен, получивший название в демографической науке – **Русский крест**. А именно, устойчивое превышение показателей смертности над рождаемостью в масштабах, с трудом компенсируемых (либо не компенсируемых) внешней миграцией. В течение всего прогнозируемого периода расхождение между рождаемостью и смертностью будет увеличиваться. Это связано с последствиями демографических тенденций в 80–90-х гг. прошлого века и первое десятилетие нынешнего.

В период Горбачева имел место резкий рост рождаемости, при некотором снижении смертности, а во времена Ельцина – резкое падение рождаемости при беспрецедентном аномальном увеличении смертности. В настоящее время Россия занимает по уровню смертности 126-е место в мире между Сенегалом и Новой Каледонией. В то же время по рождаемости Россия ничем не отличается от Восточной Европы и лишь незначительно превышает показатели западноевропейских стран ЕС.

Согласно данным колледжа НАТО в Брюсселе, количество жителей России к 2035 г. сократится с нынешних 141 млн до примерно 130 млн человек.

Происходит ускоренное перераспределение населения между регионами. Из года в год уменьшается численность населения Приморья, Дальнего

Востока, Восточной Сибири, Европейского Севера, а также прилегающих к нему северо-восточных областей России – районов исторического обитания русского этноса. За 1992–2017 гг. численность населения в этих районах уменьшилась на 7 млн человек. Есть все основания полагать, что процессы в ещё более интенсивном темпе продолжатся и в 2018–2035 гг. Пока русские остаются наиболее многочисленным народом России, оставляя позади все другие вместе взятые народности и национальности. Однако тенденция для русского этноса складывается неблагоприятная, если в 1989 г. русских было почти 120 млн, в 2010 – 111 млн, то в 2020 г. будет не более 103 млн, а в 2025 г. – менее 98 млн человек. Особенно интенсивно численность русского этноса сокращается в Приморье, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и в северо-восточных районах европейской части России.

Численность мусульманского населения значительно колеблется в зависимости от официальных и неофициальных оценок. Согласно данным официальной переписи населения, в России в начале десятых годов проживало 20 млн мусульман. Однако в 2017 г. глава Чечни Р. Кадыров заявил в Эр-Рияде о том, что численность граждан России мусульманского вероисповедания оценивается в 32 млн человек. В публикациях Государственной Думы за 2017 г. фигурирует цифра 36 млн человек из 145 млн человек, проживающих в России с учётом Крыма.

Коуэн и Голдстейн полагают, что неофициальные оценки ближе к реальности, чем данные официальной переписи. Соответственно численность мусульманского населения без мигрантов составляет в настоящее время как минимум 35 млн человек. В 2017 г. РАНХиГС опубликовал доклад, посвящённый национальному составу населения Москвы. В нем фигурируют следующие цифры. Русские – 31%, азербайджанцы – 14%, татары, башкиры и чувашаи – 10%, украинцы – 8%, армяне – 5%, уроженцы государств Центральной Азии – 5%, корейцы, вьетнамцы, китайцы – 5%, чеченцы, дагестанцы, ингуши – 4%, евреи – 2%.

Согласно докладу Международной организации по миграции (МОМ) по итогам 2015 г. Россия заняла третье место в мире по количеству мигрантов – 12 млн человек. Из них порядка 2,5 млн – нелегалы. Из указанной численности не менее 7 млн приходится на легальных и нелегальных мигрантов из мусульманских стран Центральной Азии – Киргизии, Узбекистана и Таджикистана.

В последние годы из-за долгосрочной рецессии российской экономики резко сократился приток как легальных, так и нелегальных мигрантов. В нулевые – первой половине десятых годов поток мигрантов позволял сохранять численность населения России и компенсировать массовый отток русского населения с Дальнего Востока, из Приморья и Восточной Сибири. В будущем этот фактор либо будет уменьшаться, либо начнёт действовать совершенно иначе, чем в первые 15 лет XXI века. Последнее, по мнению консультантов американских спецслужб, может произойти, если Центральная Азия станет новым регионом гражданский войн с участием террористических организаций типа ИГИЛ и Аль-Каиды.

В целом российская демографическая ситуация имеет все черты катастрофы. На ближайшие 15 лет вне зависимости от усилий власти население России будет стареть, уменьшаться в численности и формировать всё более неблагоприятную для обеспечения суверенитета систему расселения. По сути, регионы Дальнего Востока, Восточной Сибири, Приморья и Европейского Севера превратятся из малонаселённых в де-факто ненаселённые зоны. Уже сегодня плотность населения в этих регионах на порядки уступает плотности населения на Аляске, в Канаде, на севере Скандинавии. Также американские исследователи считают, что весьма вероятен сценарий, когда в крупнейших мегаполисах России – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге – большинство населения составят представители мусульманской общины, в основном уроженцы Северного Кавказа и центрально-азиатских стран и поволжских этносов.

При этом Коуэн и Голдстейн полагают, что если российские катастрофы начала и конца XX века приходились на периоды спада глобальных конфликтов, то третья российская катастрофа может оказаться либо триггером, либо кульминацией глобальных кризисных явлений.

А как в целом выглядит мировая демографическая ситуация?

Демографический переход

Подавляющее большинство академических исследователей, разведывательных аналитиков и практикующих политиков полагают, что именно демографические процессы в силу их высокой независимости трудно регулируются внешними факторами, они не поддаются жёсткому целенаправленному управлению.

При этом в течение последних 100 лет различные страны и глобальные сообщества пытались управлять динамикой народонаселения. Политикам и элитам представлялось, что управляющие воздействия ведут к запланированным результатам. Однако каждый раз оказывалось, что ближнесрочно ожидаемые результаты приводили к неожиданным, в основном к негативным последствиям.

Коумэн и Голдстайн считают, что в настоящее время происходит процесс демографического перехода. Это — одно из главных событий человеческой истории последних трёх столетий. Демографический переход для населения мира представляет совершенно особый период, связанный с резким замедлением темпов роста населения. Впервые демографические процессы привлекли к себе внимание после публикаций *Томаса Мальтуса*. Современный же взгляд на демографию сложился под влиянием работ американского демографа *Френка Ноутстейна*, голландского аналитика *Ван де Каа*, австрийского физика и математика *Хейнса фон Ферстера* и главного аналитика *Rand Corporation Кингсли Дэвиса*.

В докладе, подготовленном RAND для президента Кеннеди, указывалось, что “на протяжении 99% человеческой истории рост населения Земли был похож на медленное и неуверенное движение пламени по длинному тонкому фитилю, пока, наконец, огонь не достиг порохового заряда и не взорвался. В течение миллиона или более лет численность людей на планете оставалась либо постоянной, либо увеличивалась с бесконечной медлительностью, временно расцветая в некоторых областях мира, но в других районах почти не зная роста... Даже после появления сельского хозяйства население мира росло настолько медленно, что по современным стандартам казалось стационарным. И лишь после начала промышленной революции в XVIII, XIX и XX веков население стало расти опережающими темпами. Из года в год увеличивался не только прирост населения, но и его темпы”.

В настоящее время среди исследователей и аналитиков продолжает оставаться влиятельной теория гиперболического роста с последующим резким замедлением. Суть этой теории, впервые сформулированной в 1960 г. знаменитым математиком фон Фёрстером, состоит в том, что численность населения планеты будет стремительно нарастать по экспоненте, и в итоге уже в районе примерно 2036 г. превысит все мыслимые размеры. Однако уже сегодня можно утверждать, что этот сценарий не случится.

Согласно данным, если с 1960 по 2000 гг. население планеты удвоилось, на что потребовалось всего 40 лет, предыдущее удвоение заняло 65 лет. Перед этим — 140, до этого — 400, а ещё раньше — 3000. Имеющиеся в распоряжении федеральных органов власти и разведывательного сообщества в 70-е гг. прошлого века данные заставляли оценивать демографический рост и сопряжённую с ним потребность дополнительных ресурсов питания, энергетики и т. п., как одну из главных угроз цивилизации.

Именно эта тема, наряду с противостоянием в СССР в Холодной войне, в значительной степени определяла внешнюю и внутреннюю политику Соединённых Штатов. Не зря одним из важнейших следствий американо-китайского сближения в конце 60-х — начале 70-х гг. было согласие Китая — самой населённой и быстрорастущей по численности населения страны мира — на резкое ограничение рождаемости, обеспеченное не только медицинскими, но и запретительными административными мерами. Возможно, именно это решение сыграло судьбоносную роль в динамике глобальной демографии. Начиная с 80-х гг. прошлого века наблюдается непрерывное снижение темпов роста населения, которое получило название второго демографического перехода. Более того, целый ряд демографов полагают, что в районе 2030–2035 гг. численность населения мира стабилизируется.

Процессы демографии ещё со времён основания Римского клуба постоянно находятся под пристальным вниманием политиков. Как правило, они

обращают внимание, прежде всего, на темпы прироста населения и анализируют зазор между динамиками рождаемости и смертности. Лишь в последнее время в центре внимания наряду с рождаемостью и смертностью стала проблема миграции.

До сих пор демографы продолжают снабжать действующих политиков и разведывательное сообщество весьма противоречивыми гипотезами относительно резкого замедления темпов роста населения в последние 30 лет с вероятной перспективой выхода в районе 2030–2035 гг. на плато стабильной численности населения планеты. Значительная часть из них на основании перелома динамики делает вывод о кризисе человечества, исчерпании его жизненных сил и угасании творческих возможностей. Коумэн и Голдстейн говорят, что данный вывод не справедлив. Как известно, человечество является единственным биологическим видом, который на протяжении истории демонстрировал способность к резкому увеличению популяции. Как правило, основные виды животного мира в рамках ценозов стараются поддерживать стационарную численность, а резкое увеличение или уменьшение рассматривается как патология.

Однако более важно другое обстоятельство. Представленные выше выводы сделаны на основе умозаключений и качественных соображений. Если же обратиться к статистике, то ситуация станет понятной. Промышленная революция действительно резко изменила характер воспроизводства. Широкое использование технологий, в том числе бизнесберегающих, и максимизация производства продовольствия вели в Европе и Северной Америке в XIX веке, а в третьем мире во второй половине XX века к снижению смертности. Она утрачивала роль системного регулятора численности населения. Затем в ответ на снижение смертности, а также в результате улучшения здравоохранения и роста уровня жизни с распространением потребительских ценностей заметно уменьшалась рождаемость. В результате население постепенно старело.

То, что произошло в последние 50 лет с динамикой глобального населения, невозможно понять без учёта региональных особенностей динамики численности народонаселения. То, чем оперировали демографы, а именно глобальными показателями рождаемости, смертности и численности — это средняя температура по больнице. Она скрывала и скрывает совершенно разные, иногда противоположные, процессы в региональном разрезе. В Европе и Северной Америке ещё с начала XX века началось падение темпов роста народонаселения, а с конца XX века произошла стабилизация численности населения большинства стран мира. В Китае эти процессы начались в последнюю четверть XX века, а в остальном мире — в начале XXI века.

Таким образом, налицо общемировой процесс, связанный со снижением смертности, а затем и рождаемости по мере роста доходов населения на основе освоения достижений индустриальных и постиндустриальных технологий. Казалось бы, можно однозначно сделать вывод, что предостережения Римского клуба об опасности демографических процессов для будущего человеческой цивилизации оказались ошибочными. Однако это не так.

Действительно, дав неправильный прогноз будущей динамики численности населения, Римский клуб, тем не менее, с опережением спрогнозировал дестабилизирующую роль демографических процессов для будущего цивилизации. Правда, эта дестабилизирующая роль связана не с динамикой рождаемости и смертности и соответственно неконтролируемым ростом населения, а с динамикой миграционных процессов.

Миграция в первой трети XXI века

В истории человечества всегда наблюдались миграционные потоки. Их влияние на судьбы государств и империй было различным. Хорошо известно, что так называемое “переселение народов”, а именно интенсивное движение алтайско-монгольских, тюркских и германских племён из Азии в Европу, по сути, покончило с Западной Римской Империей. Многие политики предостерегают жителей Западной Европы и Северной Америки, что если не принять срочных мер в отношении миграции из Азии и Африки, они могут повторить судьбу древних римлян. Действительно, ещё до падения Западной Римской Империи в течение III–IV вв. нашей эры произошло замещение коренных италийцев и галлов на территории Западной Римской Империи на германские племена и отчасти выходцев из Восточной Азии. В результате, сначала в населении Западной

Римской Империи скачкообразно возросла доля мигрантов из-за Рейна и из азиатских степей, а уже затем ослабевшая империя достаточно быстро пала под натиском новых пришельцев.

Проверенные статистические данные свидетельствуют, что в последние 25 лет новые миграционные потоки, особенно с Ближнего Востока, Передней Азии, Северной и отчасти Тропической Африки, Центральной Азии и Латинской Америки вносят все возрастающий вклад в формирование населения Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, а также стран с господствующим славянским населением на постсоветском пространстве. В начале XXI века миграционный прирост стал главным компонентом ещё сохраняющегося прироста населения в большинстве стран ЕС, а также в России, на Украине и в Беларуси.

Миграция способна привести к существенным изменениям этнического, культурного и религиозного состава населения принимающих стран, особенно если в миграционные потоки вовлекается население, для которого характерны сложные многопоколенческие семьи, кланово-родовая организация сообществ и высокая рождаемость. Северо-восточный университет Бостона провёл расчёты изменения соотношения мигрантов и коренного населения стран ЕС, США и России. Во всех этих странах от 25 до 35% населения не позднее 2045–2050 гг. будут составлять мигранты в первом или втором поколениях. При такой доле мигрантов неизбежна трансформация жизненных стандартов, культуры и уклада жизни в целом на данных территориях.

Как показывают антропологические исследования, при наличии в составе населения более 15% носителей другого культурного кода, преимущественно молодого – до 40 лет – возраста, неизбежными становятся культурные трансформации и коренного населения. Одновременно резко, иногда на порядки, увеличивается доля межэтнических браков в общей численности вступающего в брак населения. Хотя точный количественный анализ происходящих процессов осуществить невозможно в силу уникального характера процесса, есть основания полагать, что приведённые выше соображения являются императивами и не могут быть изменены даже при проведении активной государственной политики, нацеленной на сокращение миграции. История человечества свидетельствует, что мощные миграционные потоки всегда и везде приводили к необратимым культурно-поведенческим трансформациям коренного населения и, более того, вели к формированию новых народов, даже при сохранении базового языка.

Американское общество и миграция

Как известно, Администрация Президента Д. Трампа осуществляет широкий комплекс мер по пресечению незаконной миграции. При этом численность проживающих на территории США незаконных мигрантов не превышает в настоящее время 11,4 млн человек, что составляет менее 3% всего населения Соединённых Штатов. Соответственно целенаправленные усилия по пресечению незаконной миграции, имеющие большое значение для укрепления правопорядка, борьбы с организованной преступностью, перераспределением средств федерального бюджета на нужды граждан США, а не на выплаты нарушителям закона, не смогут оказать сколько-нибудь серьёзного влияния на долгосрочные демографические процессы в Соединённых Штатах. Страна, состоявшаяся как нация мигрантов, таковой и останется на всю обозримую перспективу.

Бюро цензов США опубликовало в 2017 г. очередной прогноз структуры населения США по этническому признаку.

Годы	1950	1970	1990	1995	2010	2020	2050
Всего:	100	100	100	100	100	100	100
Белые	87	83	76	74	67	56	49
Афроамериканцы	10	11	12	12	13	14	15
Азиаты	1	1	3	3	5	8	8
Латиноамериканцы	3	5	9	10	14	21	27

Ещё в 1950 г. белое, нелатиноамериканское население США составляло 87% всего населения страны и соответственно полностью определяло жизненные ценности, культуру, образование и политическую активность. В 2050 г., а возможно и раньше, белое нелатиноамериканское население останется крупнейшей этнической группой в стране, но перестанет быть большинством. Фактически США превратятся в сообщество меньшинств. Это неизбежно изменит до неузнаваемости не только культурный ландшафт, черты гражданского общества, но и политические расклады в стране.

Главный фактор изменения соотношения долей разных этнических групп населения в общей его численности – это в основном миграция, и в меньшей степени разница в уровне рождаемости. Что касается этого показателя, то он в настоящее время практически одинаков у белых, афроамериканцев и азиатов. Что касается латиноамериканцев, то их рождаемость примерно на треть выше, чем в среднем по стране, и примерно в полтора раза выше, чем у белых американцев.

При этом латиноамериканские семьи имеют ярко выраженный межпоколенческий характер, когда под одной крышей или в тесном контакте живут три поколения семьи, связанные прямым и косвенным родством. Также латиноамериканцы отличаются гораздо большим уровнем социальной взаимопомощи, внутриэтнической солидарности и взаимодельности по сравнению не только с белыми, но и с афроамериканцами. Надо иметь в виду и ещё одно обстоятельство, часто упускаемое демографами. Если среди белых американцев доля атеистов, агностиков и пассивно верующих (не посещающих по воскресеньям и религиозным праздникам церковь) составляет около 45%, а среди молодёжи – 70%, среди афроамериканцев соответственно 50% и 75%, то верующие католики – латиноамериканцы составляют 85% от численности всей этнической группы, и более 75% среди молодёжи.

Западная Европа

Миграционная ситуация в странах ЕС значительно различается. Наиболее острая ситуация сложилась с Германией. По состоянию на 2018 г. в стране проживает более 12 млн иностранцев. В соответствии с центральным регистром, к иностранцам относят лиц, имеющих вид на жительство или долгосрочную рабочую визу. Таким образом, в настоящее время в Германии более 13% населения это – иностранцы.

Существенно различаются оценка численности и доли немецких граждан, законных и незаконных мигрантов, исповедующих ислам. Согласно данным германского правительства, таковых в настоящее время 5 млн. В то же время, по сведениям Центра демографии в Гамбурге, выполнившего в 2017 г. исследования по заказу партии “Альтернатива для Германии”, уже в 2017 г. в Германии находилось 7,5 млн мусульман, или примерно 8% населения. К 2025 г., согласно этому докладу, численность мусульман увеличится до 12–14 млн человек и составит около 15% населения страны.

По мнению Коумэна и Голдстейна, Германия прошла точку невозврата в отношении сохранения традиционной исторической идентичности. У коренного населения нет иного выхода, как смириться с превращением Германии в мультиэтническое общество. Германская проблема в значительной степени заключается в том, что целенаправленная законная инфильтрация иных этнических групп была выбрана как основное направление обеспечения рабочих неквалифицированных мест кадрами ещё в 60-е гг. прошлого века. Ещё тогда в городах Германии стали формироваться сначала турецкие, а затем боснийские и косовские кварталы. Особо необычная картина сложилась в Германии в последние три-четыре года. Если ещё в 2014 г., по данным Федерального управления статистики, примерно половину зарегистрированных иностранцев составляли представители культурно близких стран ЕС и других стран европейского региона, прежде всего России и Украины, то в последние годы картина коренным образом изменилась. По данным Федерального управления статистики, в 2015–2017 г. около 35% законных мигрантов составили сирийцы, 15% – афганцы и 11% – иракцы. Что же касается почти миллиона незаконных мигрантов, проживающих в лагерях на территории Германии, то практически все они выходцы из стран Ближнего Востока. При всем желании Германия не может сегодня обойтись без мигрантов, на долю которых приходится

более 60% рабочих мест с тяжёлыми, вредными либо требующими больших физических нагрузок рабочими местами.

При этом, ситуация в Германии в негативную сторону отличается от ситуации во Франции. Мусульманская община Франции на сегодняшний день является крупнейшей в Европе. Сколько мусульман проживает во Франции? На этот простой вопрос не так легко ответить. Как ни странно, это один из самых оберегаемых секретов страны. Причина сокрытия официальной статистики может быть связана с тем, что французские власти толерантно отказываются признавать связь между мусульманским населением и террором.

Впрочем, цифры говорят, что в Марселе – втором по величине городе Франции – из 850 000 жителей 220 000 – мусульмане (по неофициальной статистике, их не менее 40%). А ведь именно Марсель считается самым небезопасным городом Европы. По данным CSA – структуры, проводящей опросы на основе религиозной принадлежности, – во Франции 6% мусульман. Неофициальные источники называют совершенно другую цифру: 13–15%. Это значит, что в 60-миллионной Франции может проживать не менее 9 миллионов мусульман.

А вот какие данные в начале 2016 г. опубликовал журнал l'Obs (“Новый обозреватель”). Согласно результатам объёмного научного исследования, проведенного среди французских школьников, христианами назвали себя 33,2%, мусульманами – 25,5%. Пройдет 10–15 лет, и вполне возможно, такие цифры будут отражать общее соотношение христиан и мусульман страны.

Статистика демографии исламского населения в остальной Европе немногим отличается от ситуации во Франции. Вторая по численности мусульман европейская страна – Германия. Здесь зафиксировано около 4 млн адептов ислама (общая численность населения – свыше 82 млн), большая часть из которых – сунниты. Однако эта цифра стремительно растёт из-за беженцев с охваченного войной Ближнего Востока.

Третье место досталось Великобритании. Здесь среди 65-миллионного населения проживают около 3 млн мусульман. Больше всего их в Англии и Уэльсе и практически нет в Шотландии и Северной Ирландии. тысячи британцев приняли ислам, и эта цифра с каждым годом растёт.

В целом, согласно наиболее авторитетным центрам, занимающимся демографическим прогнозированием, в Европе в течение прогнозируемого периода до 2035 г. сложится примерно следующая ситуация. Организация Mapping the Global Muslim Population считает, что численность мусульманского населения ЕС к 2030 г. составит 12%.

Китай

Демографическая ситуация в Китае является наиболее благоприятной в G20. Несмотря на некоторые расхождения между официальной статистикой и расчётами американских и британских демографов, численность населения Китая так или иначе близка к официальной оценке и составляет по состоянию на 2017 г. более 1,4 млрд человек. Китайская диаспора за рубежом, если исключить Тайвань, не столь велика, как представляется аналитикам. Согласно данным ведущего специалиста по Китаю, профессора Висконсинского университета И Фусяня, в настоящее время за рубежом проживает примерно 52 млн китайцев. За 30 лет, начиная с провозглашения политики открытости, численность китайской диаспоры увеличилась всего на 7 млн человек.

Наибольшая проблема в Китае связана с переходом, начиная с 80-х гг. прошлого века, к политике ограничения рождаемости. Всего с 1991 по 2017 гг. официально родилось 470 млн китайцев, а по данным И Фусяня – 382 млн. В результате Китай в настоящее время занимает первое место в мире по количеству пожилых людей. При этом доля пожилых людей за счёт высокой смертности в Китае заметно уступает в настоящее время соответствующим показателям по Великобритании, Германии, Скандинавии, а также Соединённых Штатов.

Однако заметный рост качественного медицинского обслуживания в Китае ведёт к резкому сокращению смертности. Поэтому вполне можно ожидать, что примерно к 2025 г. демографическая ситуация в Китае станет весьма похожа на текущую демографическую ситуацию в южных странах ЕС.

Значительная доля экономических экспертов полагает, что неблагоприятные сдвиги в возрастной структуре населения Китая не только замедлят экономический рост, но и вызовут серьёзную социальную напряжённость. Однако Коумэн и Голдстейн присоединяются к мнению И Фусяня о том, что демографические перемены в Китае вряд ли серьёзно скажутся на экономической и социальной ситуации. Вполне очевидно, что китайское экономическое развитие практически один в один повторяет догоняющее развитие, свойственное всем индустриальным странам. До Китая такой путь прошла Япония, затем Южная Корея. Поэтому реальные темпы экономического роста вне зависимости от данных официальной статистики до конца десятых и в двадцатые годы будут падать. В этом смысле демографические последствия политики партии «Одна семья – один ребёнок» скорее уменьшат экономические трудности, чем усугубят их.

При падении темпов экономического роста сокращается потребность в рабочей силе. Здесь сокращение численности вновь входящих в работоспособный возраст поколений – это благо, а не недостаток.

Перенаселённый Юг. Растущая угроза

Демографическое давление перенаселённого Юга на США, страны НАТО и их союзников по всему миру в течение 2018–2035 гг. будет непрерывно нарастать. При этом будут сокращаться возможности контроля над ситуаций в странах перенаселённого Юга, а также потенциал сдерживания незаконных миграционных потоков. Уже в настоящее время из 7,5 млрд населения Земли 1,4 млрд приходится на Китай, 1,1 млрд на Индию и примерно 1,5 млрд – на экономически развитые страны мира. Таким образом, на бедном перенаселённом Юге в настоящее время, не включая Индию, живёт как минимум 3,5 млрд человек. До 2030 г. население планеты увеличится ещё на 1 млрд человек. Не менее 0,6 млрд человек придётся на перенаселённый Юг и Индию, а 0,4 млрд человек – на остальные страны G20.

Демографическое давление перенаселённого Юга связано с тремя относительно независимыми друг от друга группами факторов:

Во-первых, с начала века и в течение всего прогнозируемого периода между Югом и Севером будет иметь место законная замещающая международная миграция. В странах высокого уровня доходов и технологического развития, вне зависимости от культурных особенностей, происходят процессы снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Это – всеобщая закономерность, которая действует вне зависимости от региона, вероисповедания, культурного образа жизни у населения той или иной страны и детерминирована исключительно технологическим, экономическим развитием и уровнем жизни. Для всех стран G20, за исключением Китая, характерно снижение рождаемости и рост лиц старших возрастов. Соответственно не только растёт нагрузка иждивенцев на одного занятого, но и резко сокращается прирост численности занятых.

В противовес прогнозам техномечтателей, внедрение робототехники не ведёт к сокращению спроса на работы, связанные с тяжёлым, однообразным, малопрестижным трудом, за исключением конвейерного производства. Оно уже достаточно давно перенесено из развитых стран на перенаселённый Юг, в Китай, Индию и т. п. Соответственно, надежда на то, что роботизация приведёт к резкому сокращению спроса на рабочую силу и позволит обеспечить экономическое развитие даже в условиях нулевого прироста рабочей силы и населения, является пустыми мечтаниями.

Развитым богатым странам на период до 2030 г. понадобится значительный прирост рабочей силы на достаточно малопрестижных и утомительных работах, в том числе связанных с уходом за иждивенцами. Соответственно вне зависимости от все шире раздающихся призывов, и более того, практических действий по ограничению трудовой миграции, она на весь период до 2030–2035 гг. останется жизненно необходимой для всех развитых стран. При этом надо иметь в виду, что трудовая миграция открывает ворота для массовой законной миграции. Даже самые жёсткие антимиграционные законодательства не предусматривают запрета для трудовых мигрантов перевозить в страну пребывания семьи и близких родственников.

Во-вторых, миграцию между Югом и Севером будет подстёгивать усиливающееся неравенство в качестве жизни между этими регионами планеты. Согласно статистике, за последние 20 лет денежные доходы жителей перенаселённого Юга росли быстрее, чем у населения Севера. Однако, констатируя данный факт, необходимо иметь в виду два обстоятельства. Прежде всего, рост доходов не позволил основной массе населения перенаселённого Юга выбраться из нищеты. В лучшем случае южане перестали быть нищими и стали бедняками. При этом рост денежных доходов происходил на фоне стремительного ухудшения экологической обстановки в странах перенаселённого Юга, а также все возрастающих ограничений по обеспечению пресной водой, пригодными для эксплуатации сельскохозяйственными угодьями и т.п. Наконец, и это, возможно, главное, в последние три-пять лет в страны перенаселённого Юга пришёл интернет. Соответственно люди узнали, как живёт Европа, Америка, богатые страны Азии. Раньше они не представляли уровень своей отсталости и возможности другой жизни. Теперь, в условиях всеобщей интерне-тизации и существенно улучшения и удешевления коммуникаций между странами перенаселённого Юга и богатого Севера, мечты вырваться из нищеты и переехать на Север стали гораздо более реальными, чем когда-либо ранее.

В-третьих, начиная с десятых годов, нарастают число, масштабы и интенсивность конфликтов, войн и массового насилия во все большем числе регионов и стран перенаселённого Юга. Соответственно увеличивается число беженцев, которые любимы, в том числе незаконными, способами стремятся достичь спокойных регионов, где можно выжить.

Молодёжная бомба

В 90-е – нулевые годы советник правительства Норвегии, профессор *Генри Урдаль* осуществил статистический анализ роли “Молодёжной аномалии” в нескольких сотнях социальных конфликтах по всему миру, произошедших в XX веке. Он доказал, что наиболее эффективной меркой этого феномена является процент молодёжи в возрасте 15–24 года во взрослом населении. Согласно данным проведённых им исследований, рост этой доли на 1% увеличивает вероятность возникновения конфликта на 4%. Эта вероятность ещё больше усиливается при возрастании доли молодёжи, получившей среднее или высшее образование.

В последние годы наибольший вклад в изучение этой проблемы и в создание аппарата вычислительной аналитики демографических рисков внёс советник американского разведывательного сообщества, профессор *Гуннар Хайнзон* – преподаватель Федеральной Академии безопасности Германии и Оборонного колледжа НАТО в Риме. В своём бестселлере “Сыновья и мировое господство: роль террора в подъёме и падении наций” он даёт объяснение явлению, породившему непредвиденную и необъяснимую волну терроризма и насилия, назвав это явление “злокачественным демографическим приоритетом молодёжи”.

Определение этого явления предполагает элементарный демографический расчёт – сравнение количества мужчин в возрасте 40–44 года с мальчиками в возрасте от 0 до 4 лет. Демографический сбой происходит тогда, когда на каждые 100 мужчин в возрасте 40–44 года приходится мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет больше, чем 80. Соответственно, если это соотношение больше 80, то имеет место активный злокачественный приоритет молодёжи, а если меньше, то пассивный.

В Германии это соотношение равно 100 к 50, а в секторе Газа – 100 к 464. Хайнзон использует термин “демографический сбой” или “приоритет”, чтобы охарактеризовать страны, не способные сопротивляться натиску молодёжи из других стран. По его мнению, Германия и Великобритания, также как Бельгия и Австрия демографически готовы к сдаче молодёжи из мусульманских стран: Афганистану (100 к 403), Ираку (100 к 351), Сомали (100 к 364), Сирии (100 к 253).

В 2017 г. профессор Г. Хайнзон подготовил для командования НАТО доклад о демографической угрозе альянсу, где впервые количественно определил порог развязывания в стране проживания мигрантов массового насилия при запуске незаконных и трудноуправляемых антропоток.

Массовое насилие неизбежно происходит в тех обществах, где юноши 15–29 лет составляют больше 30% от общего населения. Всё, во имя чего вершится это насилие, – религия, национализм, марксизм, фашизм – несущественно. В мире в 2000–2017 гг. было 67 стран с запускаящим массовое насилие демографическим приоритетом молодёжи. В 60 из них имели или имеют место массовый геноцид и/или гражданская война, и как следствие массовая межрегиональная или межконтинентальная миграция.

Запад столкнулся с гигантским приоритетом молодёжи в большей части мусульманского мира, где происходит демографический взрыв. В течение всего лишь пяти поколений (1900–2015 гг.) население в мусульманском мире выросло со 150 млн до 1300 млн человек, то есть почти на 900%.

Для сравнения: население Китая выросло с 400 до 1350 млн человек (350 процентов), Индии – с 300 до 1400 млн (470%). Между 1988 и 2016 гг. в развивающихся странах родились более одного миллиарда сыновей, и горячие точки стали предсказуемы. Накануне талибского переворота в 1993 г. население Афганистана выросло с 14 до 22 млн; в Ираке в 1950 г. было 5 млн человек, а сейчас 25 млн; начиная с 1967 г., население Западного берега реки Иордан и сектора Газа выросло с 450 тысяч до 3,3 млн, из которых 47% – молодёжь до 15 лет.

К концу жизни нынешнего поколения в Афганистане будет столько же юной молодежи 20 лет, сколько во Франции и Германии вместе взятых. Общий же миграционный потенциал Северной и Тропической Африки, а также Ближнего и Среднего Востока с Центральной Азией составит в 2020–2035 гг. 700–800 млн человек. Даже 10% от этого количества достаточно, чтобы неуправляемые миграционные потоки создали серьёзный кризис безопасности в ЕС и России. Это может стать реальностью, если на “злонамеренный демографический приоритет молодёжи” наложатся региональные засухи, климатические аномалии и экстраординарные финансово-экономические явления, типа долговременного глубокого глобального кризиса производства и торговли.

Неустранимые демографические угрозы

Коумэн и Голдстейн уверены, что в 20-е гг. практически неизбежны три крупномасштабных конфликта, которые изменят политико-экономическую, а возможно, и военную ситуацию на планете. Они могут выступить дополнительными факторами, усугубляющими финансово-экономические, социально-политические и природно-климатические кризисные явления, с которыми неизбежно столкнётся человечество в период с 2020 по 2035 гг.

В 2018–2035 гг. при наличии проблем, рисков и трудностей, связанных с демографией, в наилучших условиях окажутся Северная Америка (Соединённые Штаты и Канада), Китай с Японией и Южной Кореей.

Что касается Соединённых Штатов, то энергичные действия по пресечению потоков нелегальной миграции в США резко повысят потенциал Америки в противодействии демографической угрозе. К началу 20-х гг., по сути, окажется перекрыт единственный логистический коридор для незаконной миграции в США – через Мексику. Вне зависимости от того, будет ли построена стена или иные электронные заграждения или нет, Соединённые Штаты обезопасят себя от незаконной миграции за счёт безальтернативной зависимости Мексики от Америки. Экономическое процветание Мексики полностью зависит от экспортно-импортных операций по товарам и услугам с США и американских инвестиций. Поэтому решение задачи пресечения незаконной миграции в США возложено администрацией Д. Трампа на саму Мексику. Установлена прямая зависимость между уровнем торгово-экономических отношений двух стран и уровнем эффективности усилий Мексики по пресечению незаконной миграции в США как из самой страны, так и из регионов Центральной Америки.

Как отмечалось выше, население Китая при всей плотности и масштабах всегда имело компактную локацию, не выходящую за пределы строго определённого региона. Это сохранится и на период 2018–2035 гг. Что касается опасений относительно китайской экспансии в районы Приморья и Дальнего Востока России, то подобная экспансия, несомненно, будет иметь место. Однако

она, по мнению американских исследователей, будет иметь исключительно мирный и добровольный характер.

Крайне мало шансов сохранить национально-культурную идентичность и нынешний тип политико-экономической жизни у стран ЕС. Имеется высокая вероятность, что в течение периода до 2035 г., даже при благоприятных обстоятельствах, наиболее влиятельными и активными европейцами станут мигранты в первом, втором и третьем поколениях из районов Ближнего и Среднего Востока и Африки мусульманского вероисповедания, имеющие ярко выраженную конфессионально-культурную идентичность. Уже в настоящее время значительная часть прироста населения в странах старого ядра ЕС обеспечивается за счёт мигрантских общин. Причём с каждым годом их вклад в динамику рождаемости возрастает.

Однако главная угроза Европе связана не с внутренними факторами, а с внешним демографическим воздействием. В период 2018–2035 гг. на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной и Тропической Африке будет сохраняться, а в отдельных регионах даже увеличиваться гигантский “злокачественный демографический приоритет молодёжи”. Нет оснований полагать, что на Ближнем и Среднем Востоке в прогнозируемый период прекратятся военные действия и воцарится мир. Более вероятно расширение военно-конфликтной зоны на север за счёт неизбежного экономического краха Ирана и соответственно увеличения межконфессиональной войны в Ираке, Афганистане и Сирии. Это вызовет новый, постоянно возрастающий поток нелегальных мигрантов в Европу.

Практически все авторитетные климатологические прогнозные центры сходятся на том, что в 20-е гг. неизбежно усиление засухи в Северной Африке и наступление Сахары в Центральной Африке. Это приведёт к резкому ухудшению условий ведения сельского хозяйства в большей части Африки. Если в нулевые–десятилетия годы массовой миграции из Тропической Африки в Европу не наблюдалось, то ситуация изменится в 20-е гг. Благоприятное положение в начале века в значительной степени было связано с последствиями Великой Африканской войны 90-х – начала нулевых годов. Эта война почти спрямила “Молодёжный горб”. Однако уже в десятилетия годы в таких беднейших африканских странах, как Центральная Африканская Республика, Демократическая Республика Конго, Буркина-Фасо, Руанда, проявился “злокачественный демографический приоритет молодёжи”. В 20-е годы в этих странах он будет только нарастать. Неблагоприятные природно-климатические условия неизбежно вызовут экономические потрясения в 20-е гг. в Тропической Африке. Социально-экономический кризис резко активизирует миграционные потоки из крупнейшей по численности стран Африки – Нигерии, Заира, Габона и Сенегала. С чрезвычайно высокой степенью вероятности во второй половине 20-х гг. к ближневосточной незаконной миграции в Европу присоединятся мощнейшие потоки из Северной и Центральной Африки. Их общая ёмкость вполне сможет составить порядка 5–7 млн человек ежегодно. Вряд ли ЕС справится с такой демографической нагрузкой.

Самые серьёзные последствия демографические миграционные процессы могут иметь для России и стран Индостана. Уже отмечались пять внутренних демографических процессов, угрожающих дальнейшему существованию России в нынешних границах и сложившейся системе управления. Однако, по мнению Коумэна и Голдстейна, главной для России в перспективе является внешняя демографическая угроза.

Едва ли не самой опасной в демографическом аспекте территорией планеты является Ферганская долина. Её от российских, преимущественно мусульманских районов Поволжья, разрезающего европейскую и азиатскую часть государства на две части, отделяют лишь 3 000 км пустынных и отчасти горных малонаселённых районов Казахстана.

Ферганская долина – это компактная, относительно небольшая территория в 22 тыс км². Ферганская долина поделена между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. В настоящее время в долине проживает порядка 15 млн человек. Здесь живёт около трети населения Узбекистана и Таджикистана и примерно половина населения Кыргызстана. В среднем на 1 км² живёт 650 чел., что сопоставимо с самыми густонаселёнными районами Индии, Китая и Бангладеш. Во многих районах Ферганской долины плотность населения превышает 2 тыс. человек на 1 км². В узбекских областях долины плотность

населения превышает примерно в 10 раз плотность населения в среднем по Узбекистану. Средний расчётный доход населения Ферганской долины не превышает 400 долл. в год. В настоящее время пятью беднейшими странами мира являются Южный Судан с 246 долл., Бурунди – 340 долл., Малави – 342 долл., Центральная Африканская Республика – 426 долл. и Мозамбик – 472 долл. Таким образом, условное государство Ферганская долина попало бы в пятерку наиболее бедных стран мира. По прогнозу к 2025 г. население долины составит примерно 18 млн человек, а к 2035 г. – 22-23 млн человек. Уже сегодня показатель молодёжной демографической злокачественности для Ферганской долины составляет 100 к 352 и вырастет к 2025 г. до 100 к 405.

Сочетание демографической злокачественности, поразительной бедности с отсутствием экономических и социальных перспектив для молодёжи неизбежно превращает Ферганскую долину в кипящий котёл, способный в любой момент взорваться.

Триггером взрыва может стать вторжение подразделений ИГИЛ из Афганистана. Этот риск с каждым годом возрастает. Уже в 2017-2018 гг. ИГИЛ в рамках эвакуации из Сирии создал значительные военные базы на территории Афганистана. Кроме того, порядка 2,5 тыс элитных бойцов ИГИЛ – это жители центральноазиатских стран.

Также неблагоприятная ситуация складывается в районе Индостана. В приграничной с Пакистаном зоне племен, в Белуджистане, многих районах Индии, Бангладеш уже давно переждён порог молодёжной демографической злокачественности. Большинство “фабрик мысли”, специализирующихся на Южной Азии, полагают, что Пакистану, Индии и Бангладеш не удастся в ближайшие 10 лет выйти на устойчивые темпы экономического роста. Соответственно в подавляющем числе районов Индостана сложится ситуация мультиплицирования эффектов высокой доли молодёжи, низкого уровня жизни и отсутствия социальных лифтов. Это мультиплицирование будет проходить в регионе, для которого характерны не только межгосударственные, но и межэтнические и межрелигиозные конфликты. Если принять во внимание, что Индия и Пакистан обладают атомным оружием, а программисты из Южной Азии активно участвуют в ведущих хакерских группировках, то молодёжная демографическая злокачественность может привести к непрогнозируемым последствиям.

P. S. Коумэн и Голдстейн правы, когда говорят о том, что демографические процессы с трудом поддаются управлению и имеют высокую инерционность. Риски, создаваемые демографическими процессами, тяжело элиминировать. Их практически невозможно избежать. Но обеспечить готовность к блокированию криминальных и террористических последствий демографических рисков – является обязанностью национальных и международных органов, обеспечивающих безопасность.